

НАТАЛЬЯ АВЕРКИЕВА

ЦВЕТОЧЕК

12+

Наталья Аверкиева

Цветочек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42334022

SelfPub; 2020

Аннотация

Вильгельму повезло – он наследный принц и будущий король. Казалось бы, что еще нужно человеку для счастья? Но... В стенах дворца он бесконечно одинок. Кормилица умерла, отец не обращает на него внимания. Его мир настолько мал, что заключается в единственном человеке – служанке Лоле и огромной библиотеке, где принц часами изучает книги. Он никогда не был за пределами дворцовых стен, а за забавами мальчишек следит издалека. Томас – сын сержанта, душа компании и первый заводила среди сверстников. Он отлично дерется, ездит верхом и на особом счету у короля. Парень презирает принца и насмехается над ним. Однажды судьба сводит их вместе, ломая размеренную жизнь каждого. Теперь один должен убить другого, чтобы выжить самому и спасти друзей от гибели. Как поступить? Что выбрать – жизнь друга или возможность остановить неминуемую войну? Долг или дружба?

Содержание

От автора	4
Пролог	9
Глава 1. Вильгельм	12
Глава 2. Томас	19
Глава 3. Отражение	32
Глава 4. Одиночество	56
Глава 5. Тайны	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

От автора

Когда-то очень давно мне пришло в голову название будущей книги – «Цветочек». И сразу же закрутился сюжет про отважного принца, далекое королевство, преданных друзей, ведьм и всё то, что должно быть в настоящей сказке. Два года понадобилось на то, чтобы добраться до этого сюжета. Я открыла новый файл, назвала его «Цветочек» и испугалась, что сюжет, придуманный два года назад, не вернется ко мне. «Цветочек» сам просился на бумагу, сам бежал и торопил. Я испытывала огромное удовольствие, работая над этим текстом. Сказка получилась действительно восхитительной и очень, как мне кажется, доброй.

Надеюсь, что она понравится вам и войдет в ваши сердца так же, как однажды завоевала моё.

Но прежде чем вы приступите к чтению, хотела рассказать о том, что означают некоторые непонятные и давно забытые слова в тексте. Многие, кто читает исторические книги или увлекается реконструкцией, их знают, а для тех, кто не в теме, это будет полезно. Все описания даю «на пальцах», чтобы было легко запомнить, посему, знатоки, не придирайтесь, это вы знаете, многие люди о таких словах и не догадываются. Ну и картинки, куда же без них.

И еще одно предупреждение на берегу – автор не ставил себе цель сделать глубокомысленный исторический трактат о жизни героев в средние века, поэтому с фактурой обращался часто вольно, а иногда и размахисто. Наша цель – создать интересное произведение с погружением в романтику средневековья. Так что... В некотором царстве, в некотором государстве, давным-давно...

Страшные слова из текста

Как вы понимаете, некоторые элементы одежды давно устарели и их названия ушли из нашего разговора, уступив место джинсам, блейзерам и прочим кардиганам. Но не можем же мы, описывая королевский наряд, писать, что король был в лосинах. В средние века лосины еще не придумали, и короли носили шосс, которые подвязывали к поясу брэ, а под коленами иногда перехватывали бантами или многочисленными ленточками с бубенчиками, чтобы было красиво. Короли те еще модники у нас были. Но обо всем по порядку...

Нательное белье

Мужской костюм был достаточно простым и включал следующие предметы одежды:

Камиза – нижняя рубаха длиной немного выше колен или

до колен, которая шилась из льняной ткани. Ворот мог быть как стандартным овалом, так и с разрезом на уровне шеи. Она, как правило, была с простыми рукавами или очень красивыми рукавами, которые снимались и пристегивались другие в соответствии случаю. По виду это очень похоже на тунику. Рукава и подол потом красиво выглядывали из-под верхних одежд. Иногда ее надевали и как верхнюю рубашу, так как камиза – это в том числе прототип современной рубашки. В общем, всё было по сезону – зимой она выступала в качестве белья, а летом в качестве рубашки обыкновенной.

Брэ – прообраз современных трусов, шились из льна, как и камиза. Брэ заправлялись в шосс.

Шосс – обтягивающие штаны-чулки. В 11 веке они не сшивались ни сзади, ни спереди, представляя собой 2 отдельных чулка, подвязывавшихся к поясу, одетому под камизу. Шились из сукна. Поверх могли перехватываться полосками тканой тесьмы. Закреплялись под коленом (чтоб не сползали) ремешками, отрезками ткани или красивыми ленточками. На поясе закреплялись в специальных дырочках в брэ или на отдельных тесемочках.

Порты – портки, они же штаны обыкновенные, они же брюки современные, которые отлично заменяли и брэ, и шоссы вместе взятые.

Верхняя одежда

Теперь поговорим о том, что они на себя надевали после «маек-трусов».

Итак, сначала мужчина на себя надевал брэ (трусы), камизу (майку), а иногда и то, и другое, шоссы (чулки). А так как в исподнем ходить было не слишком прилично, то дальше шел следующий слой одежды.

Котта – шилась из сукна или льна. С середины 14 века на котте стали появляться различные вырезы горловин. Иногда разрез горловины застегивался на пуговицы. Также пуговицы появились на рукавах. Котту шили из более дорогих тканей, чем камизу.

Туника – длинная для мирной жизни или короткая, до середины бедра для рыцарей, поверх нее котта, подобранная поясом – вот выбор настоящего мужчины.

Туника всегда опоясывалась, а над поясом иногда был напуск. Туника короля могла доходить до пола.

Сюрко – основной вариант сюрко был с рукавами до локтя, которые потом продолжались свисающими прямоугольными полосами ткани. Шилось из шерсти. У зимней модели дела-

лись разрезы на уровне талии, чтобы можно было прятать и греть руки. Длина от колена и ниже. Сюрко надевают на котту или тунику. По-русски говоря – это пиджак, жилетка.

Плащ – во время холодов носили плащ, доходивший до самой земли. Плащи застегивались на правом плече. В народе часто надевали плащ с капюшоном.

Блио – одежда состоятельных слоев общества, появляется в конце 11 века. Длинная одежда с несколько расширяющимися рукавами, шилась из сукна тонкой выделки, шелка, плотного тонкой выделки льна. Носилась поверх камизы, с брэ и шоссами.

Шаперон – род капюшона с длинным «хвостом». Под шаперон надевали маленькую круглую шапку или шляпу с большими полями. В 14 веке так назывался головной убор в виде одного или двух длинных кусков ткани, уложенных вокруг головы подобно тюрбану, при этом концы спускались на плечи.

И обязательно подпоясывались. При этом *пояса* были очень дорогими, шикарными. На них вешали всякое важное добро и «сброу» для оружия и сумок.

Собственно, ничего сложного.

Пролог

Он осторожно коснулся пожелтевших страниц кончиками пальцев, словно неловким движением боясь нарушить и без того неровные строчки, спутать корявые буквы.

– Я знаю это пророчество наизусть. Но, чтобы ты не сомневался, я прочитаю тебе его. Ты ведь не умеешь читать, да? – Перепуганный мальчишка затряс головой. Мужчина удовлетворенно ухмыльнулся. – Слушай внимательно и запоминай.

*Когда взойдет звезда в излучине двух рек
И воды омоют ноги тысяч человек,
Его дрожащий голос возвестит,
Что благодать сошла и возродилось Солнце.
Тогда смрад смерти прилетит в потоке вихря
И опоздают письма, посланные ранее,
В тот день небо поглотит все чернотой,
Друг против друга встанут те, кто закутан плащом.
И казнь свершится недрогнувшей рукой.
И мир разделится на до и после,
В глубоких муках он родит жестокое из всех существ.
Двуликий Монарх восстанет из глубин... – Осторожно перевернул страницу. —
Недолго жить он в мире будет.*

*И боги будут изгнаны из своих чертог.
Начнется долгое сражение.
И красный петух будет летать по городам и селам,
Нести смерть и сеять болезни.
Великий город Солнца падет,
Варвары придут в него со своими законами.
Твоя беда приближается.
Тьма подошла к твоим воротам.
Змеи вышли из глубин ада.
Старики восстали,
Чтобы увидеть, как умирают их дети, их род, смерть и
крики.*

Он закрыл книгу и внимательно посмотрел мальчишке в глаза. Тот сидел бледный, сжавшийся, жалкий. Он взял его за плечи, с силой сжал пальцы, причиняя боль, и зловеще зашипел в лицо, наклонившись к нему почти вплотную:

– Принеси мне его голову. Не дай Пророчеству свершиться! Останови войну. Весь мир к твоим ногам положу, если принесешь. Ты будешь владеть миром. Я буду помогать и наставлять. Вместе мы сделаем столько всего! Мы завоюем новые земли! Поработим новые народы! Всё вот это... – Он резко развернулся к столу, на котором была разложена карта. – Всё вот это будет твоим! Ты только посмотри, как много: горы, моря, леса, реки, города, деревни. Вся земля будет твоей. Все жемчуга и изумруды, все золото! Вокруг тебя бу-

дуг всегда прекрасные женщины. Вокруг тебя будут всегда самые умные и сильные воины. Ты будешь править миром, огромным миром. Ты станешь самым могущественным королем. Принеси только мне его голову.

Глава 1. Вильгельм

Сколько он помнил себя, она всегда была рядом. Следовала за ним по пятам, ворчала и ругалась. Когда он болел, она спала в его покоях, делала ему компрессы и поила целебными отварами. Она мыла его в бане и почему зря ругала его отца, который брезговал водными процедурами, а она распаривала молодые гибкие веники в дубовых кадках и хлестала его по спине, выбивая хворь. Она стояла перед ним в исподнем и натирала его тело золой и мыльным корнем. Она заставляла Лолу менять ему постель раз в несколько дней, а не пока простыни окончательно истлеют. Она читала ему сказки на ночь, рассказывала о своей далекой стране, откуда ее привезли варвары, и расчесывала длинные, спутанные волосы особым гребешком. Она прижимала его к себе и что-то шептала на непонятном языке. Она так смеялась, что порой ему казалось, будто солнце заглянуло в его покои... Они провожали ее втроем – он, Лео, главный повар его величества, и Лола, их дочь. Два могильщика и святой отец не считаются. Лола заламывала руки и рыдала на груди отца. Лео тоже тихо плакал. А он стоял, рассматривал ее спокойное лицо, выбеленные кружева чепца, светло-русые волосы, толстые короткие пальцы и думал, почему она не хочет открыть глаза, ведь эта дурацкая шутка явно затянулась. Когда гроб

начали засыпать землей, он понял, что это не шутка, кормилица действительно умерла, больше никто не прижмет его к себе, не погладит по голове и не скажет ласково: «Ты ж мой цветочек»... Лола была и хотела кинуться за матерью. Лео вытирал рукавом частые слезы. Он повернулся и, ни слова не говоря, ушел в замок. Король мог бы оторваться от своих дел, в конце концов, эта женщина выкормила и вырастила его сына.

Со смертью кормилицы из его жизни исчезло самое главное – вера. Она была единственной, кому он доверял, из чьих рук без страха принимал пищу, кому он мог рассказать все свои тайны и поведать о переживаниях. Он никогда не был нужен отцу, хотя являлся наследным принцем. Более того, временами ему казалось, что король его и вовсе ненавидит. У него не было друзей в замке, потому что с глубокого детства внушалось, что опасность подстерегает его на каждом шагу, и кинжал врага вот-вот вонзится в спину или яд уже растворен в чаше. Из-за того, что он был принцем, его избегали дети придворных. За нелепую кличку над ним смеялись. За неумение драться и хрупкое, почти девичье сложение над ним издевались. Не в открытую (кому придет в голову открыто издеваться над принцем?), за спиной. И от того становилось обидно вдвойне. Цветочек уходил в хранилище и читал. Грамоте его тоже научила кормилица. Он читал книги и мечтал о дальних странах, где живут удивительные чудовища и растут странные растения. Он хотел путе-

шествовать по морям. Хотел увидеть огромную страну, отгороженную от мира длинной стеной, где живут невысокие узкоглазые люди. Он пару раз видел таких – они приезжали с какими-то просьбами к отцу, привозили ему дорогие украшения и тончайшие ткани. У них были странные буквы-рисунки, и он не понимал ни единого слова, как ни старался разобрать. Он мечтал поехать в родную страну кормилицы, где зимой лютые морозы, а летом удивительно хорошо и пахнет хлебом. Иногда, когда становилось совсем тоскливо, он начинал петь ее песни, воображать, что она сидит где-то рядом и гладит его по волосам. И тогда он сворачивался клубочком на постели и тихо-тихо плакал от горя, отчаянья и тоски по своей кормилице, просил ее вернуться, сетовал, что она поступила подло, раз умерла так рано, бросив его совсем одного в этом мире.

Через полгода боль утраты поутихла, он привык к своему одиночеству и потянулся к людям. Точнее открыл для себя странный способ общения – наблюдение. Вилл прятался на заднем дворе и смотрел, как король со своим сержантом Хансом учит дворовых мальчишек ратному делу. В глубине души он им сильно завидовал, ведь только с ними король мог расслабиться, смеяться, ругаться, только с ними он возился и объяснял, как точить меч, как метать короткие копья-дротики, как правильно натягивать тетиву. Ханс служил при дворе всю жизнь, сколько принц себя помнил. Крепкий, коренастый мужчина преклонного возраста, он был близким

другом короля, всегда рядом, всегда начеку. И при этом никаких почестей, титулов, земель и денег отец никогда ему не жаловал, просто держал возле себя, как какого-нибудь пажа, но обращался не как с прислугой, как с близким другом. Несколько раз Ханс спасал жизнь королю на поле боя и во время приемов, когда званые гости вдруг пытались его убить. И опять ничего. Король безмерно уважал своего сержанта, разрешал тому столько вольностей, сколько не разрешал никому, но ничем не баловал, как других вельмож. Или Ханс не просил? Вилл как-то спросил о странном мужчине у кормилицы, та ответила что-то непонятное, вроде бы сержант учил короля с малолетства военному делу, был его учителем и на поле боя будто бы именно Ханс со своими людьми несколько раз выводил короля из окружения, и потому тот ему безмерно доверяет. Принц видел, как старый вояка собирает вокруг себя стайку мальчишек и рассказывает им по вечерам какие-то байки из своей жизни. Иногда к ним присоединяется и король. Цветочек как-то хотел подойти к их компании и тоже послушать, и даже подошел как-то. Робко сел рядом с сыном Ханса Томом. Тот покосился с подозрением, подвинулся. Ханс как раз рассказывал об узкоглазых людях, что сражаются, как демоны, летать умеют и убивают взглядом. И тут принц очень некстати влез со своими замечаниями, что, де, вовсе они не умеют летать, а техника у них такая, он в книжке читал... Какой же хохот поднялся. Мальчишки принялись улюлюкать, махать руками и просить, что-

бы он им рассказал о той технике, они, де, воины хоть куда, хоть завтра в полет. Цветочек позорно ретировался и больше к их компании не подходил.

А через месяц с ним и вовсе случился конфуз. Решил король обучить воспитанников, как в седле держаться. Но не просто держаться, а сражаться. И надо же было такому случиться, что принц вылез из своего убежища на втором этаже конюшни, и сел на солнышке недалеко от отца. Первой парой были Том и Эмиль. Ребята ловко вскочили в седла и, с громким свистом, понеслись навстречу друг другу, размахивая черенками от лопат, словно мечами. Вилл залюбовался темно-русой мальчишкой, его пружинистой ездой, азартному блеску в глазах, хищным выражением лица. Тем, как он ловко пригнулся, пропуская «меч» друга над собой, как ударил его сзади по пояснице, вызывая брань. Эмиль развернул своего жеребца, намереваясь догнать обидчика. Удар. Еще удар. Принц подскочил, нервно закусил палец, испуганно следя за Томом. У Эмиля явное преимущество – он старше, крупнее, выше, сильнее, шире в плечах. Выбил у Тома палку из рук. Пнул ногой, выкидывая из седла.

– Закончили! – хлопнул в ладоши король.

Том, подхватив палку, перекатившись под конями, нанес другу удар снизу, выбивая из седла. Рухнув в грязь, Эмиль, тем не менее, не выпустил оружие из рук. Отпихнул стремительно летящего на него Тома ногами, перекатился в сторону и вскочил на ноги, выставив палку вперед. И опять они

скрестили оружие, азартно улыбаясь и подначивая друг друга, грязные, довольные. Том выбил палку из рук Эмиля. Они сцепились в рукопашной, топя друг друга в грязи.

— Мальчишка-то весь в отца, — услышал принц голос сержанта.

— Упрямый, стервец. До последнего всегда... — с улыбкой отозвался король.

Видя, что никто из друзей уступать не спешит, Ханс все-таки прекратил их бой. Том тут же начал хохотать, стараясь попасть жижей Эмилю в лицо, тот фыркал и кидался комками грязи в соперника.

— Следующая пара, — объявил король. — Цветочек и Рауль.

Принц вздрогнул, в ужасе уставившись на отца. Во-первых, он не умеет ездить верхом. Во-вторых, Раулю всего десять лет и сражаться с ним ему, четырнадцатилетнему... В-третьих, Цветочек ни разу в жизни не держал в руках оружия... Нет, держал, но вот чтобы сражаться...

Ему подвели коня. Подсадили в седло и дали черенок.

— Я не умею, — с отчаяньем смотрел он в глаза отца.

Тот промолчал, ухмыльнулся презрительно.

Неловко растопырив руки, принц стукнул пятками по лощенным бокам животного, вынуждая того хотя бы приблизиться к исходной позиции. Конь нехотя зашагал вперед. Высоко. Скользко. Грязно. Цветочек обливался холодным потом, думая о том, что не может проиграть десятилетнему Раулю, что не умеет ездить верхом, что даже не понимает, как

сражаться этой палкой...

Мальчишка широко улыбнулся, выставил вперед оружие и понесся Виллу навстречу на низкорослом старом мерине.

Принц неуверенно послал коня вперед. Тот сначала зарылся, кидая неопытного всадника из стороны в сторону, а потом то ли Эмиль, то ли Том, мимо которых он проезжал, со всей силы стегнули животное по крупу. Конь заржал, встал на дыбы, отбрыкнул и понес, скидывая седока наземь. Цветочек приземлился в грязь лицом. Окружающие хохотали. Он попытался встать, но ничего не вышло – скользко, снова спланировал в жижу. Опять попробовал подняться. И снова упал в грязь. Из глаз текли слезы досады. Он видел, как отец кривится и недовольно сплевывает, а Ханс качает головой. Ему было стыдно. Ему было больно. Ему было обидно. Но самое неприятное – Том ржал громче всех.

Глава 2. Томас

Марта одна за другой поставила на стол миски с кашей. Ханс разломил еще горячие лепешки. Разделил между сыновьями – самый большой кусок Ульриху (потому что ему сегодня на службу, а мать еще обед не собрала), поменьше – Якову (он сегодня ковалю помогает), еще меньше – Ральфу и Тому (им огородом заниматься да по хозяйству матери помочь надо). Ложки глухо и торопливо застучали по посуде.

– Том, а откуда у тебя такой синяк под глазом? – спросил насмешливо Яков.

– Где? – подскочил Том, ощупывая щеки около глаз.

– Ну, вот же, – тыкал пальцем брат. – Вот.

– Ну-ка, – повернула мать сына за подбородок к себе. – Какой синяк? Где? – Осмотрев лицо, она недовольно проворчала: – Нет никакого синяка, что вы выдумываете?

Том обиженно засопел, исподлобья глянув на улыбающегося брата. Зачерпнул кашу и отправил в рот полную ложку. Ребята разом громко заржали. Том покосился на них, медленно пережевывая пищу, опустил глаза и... Тошнота подкатила к горлу. Он закашлял, выплевывая кашу обратно в миску. Тщательно очищая рот. Вылетая из-за стола и бросаясь к ведру с чистой водой.

– Что случилось? – строго спросила мать.

Том ткнул пальцем в свою тарелку, куда Ральф умудрился подсыпать дохлых мух, пока Яков его отвлекал.

– Подумаешь, мухи, – философски произнес отец. – Не будет рот разевать.

– Старый черт! – заругалась Марта. – Я вот вам еду портить! Я тут готовлю-готовлю, только чтобы вас, дармоедов, накормить, а они мне мух ребенку в тарелку подкладывают! А ну, кто жрать это будет?

– Скорми уткам, – хихикал Яков. – Ну, ведь весело ж получилось.

Том прищурился, сжал губы и ничего не сказал. Выбежал прочь. Мухи – это самое безобидное, что его братья могли придумать. Отец, наверное, видел и ничего не сказал. Ну, как так можно? Он опять голодным остался...

У них в семье был установлен определенный порядок. Если отец поел, то и ты обязан успеть поесть. Если ты встал из-за стола, значит, теперь только на следующий прием пищи подойдешь к нему. Отец не разрешал таскать с кухни ничего, даже черствую краюху хлеба. А из-за братьев он частенько оставался голодным. Нет, они не издевались над ним открыто и при родителях, они делали это исподтишка, бывало что и поколачивали, если он отказывался выполнять их работу. Отец смотрел на это сквозь пальцы, хотя особо обижать не разрешал, говорил, что так закаляется характер. Матери было не до него. Том был поздним ребенком, нежеланным, поэтому и рос, как сорняк в огороде, у всех бельмом на глазу.

Он сидел на берегу, свесив ноги с обрыва, и наблюдал, как на той стороне девки купаются на мелководье. Настроение отвратительное. И есть уже не хочется. Зато хочется набить кому-нибудь морду. До крови.

– Ты чего тут? – сел рядом Густав. – Говорил же, что после обеда придешь.

Том не ответил, отвернулся.

– Опять со своими поругался? Что на этот раз?

– Я съел целую ложку мух с кашей, – буркнул Том.

Друг захохотал.

– Ну и как, вкусно?

– Хочешь попробовать? – зарычал он.

– Поплыли на ту сторону, Эмиль утром на рыбалку ушел, может быть, уже что-то поймал, – легко спихнул Густав его с обрыва. Том ловко съехал на пятках вниз. Скинул с себя рубаху, штаны и боты. Все плотно свернул и перетянул ремнем, чтобы не развалилось. Повернулся к Густаву и обреченно вздохнул, глядя, как тот распаковывается: сначала боты (у друга они были из тонкой телячьей кожи и идеально облегли ноги), потом котту из тонкого льна, затем батистовую рубаху, штаны и наконец-то брэ. Вот ради брэ цвета теплого молока и стоило на него паяться. Они с Эмилем брэ не носили и вообще не понимали, зачем оно надо. Густав говорил, что так штаны не быстро мараются, а чего им мараться – встряхнул как следует, вот и не замарается ничего, а задницу подмыть – сам бог велел, и чего им мараться? Придумают же

эти... аристократы... На самом деле Густав не был ни дворянином, ни крестьянином, ни воином. Его семья жила за городской стеной у самого леса и без нужды к ним никто не смел соваться. Он был правнуком Великой Унгины – самой искусной ведьмы за всю историю королевства. Настолько искусной, что даже Инквизиция не смогла достать ее. Короли ходили к ней с поклонами. Королевы бегали советовать. Ее обереги спасали принцев от ранней смерти. Поговаривали, что и Цветочек ею заговоренный. Уж сколько раз мальчишку убить пытались. Врут, небось. Хотели бы убить, обязательно бы убили, а он все живой, здоровее не бывает. Только ушибленный какой-то. А еще Густав рассказывал, что его бабка (ну то есть прабабка, но с приставкой пра– громоздко), так вот, его бабка умела разговаривать с душами мертвых, вызывать их, отчитывала приговоренных к смерти другими ведьмачками в особом гробу, который хранился у нее в тайной комнате. Иногда она могла обернуться черной кошкой и пойти подкараулить младенцев в полнолуние, чтобы через крик отнять у них счастье. Могла взглядом молнию сотворить, пошептать слова особые и дождь среди ясного неба устроить. Том не поверил бы в эти враки, кабы они с Эмилем однажды не залезли в ту самую тайную комнату и не увидели тот самый особый гроб, который стоял в круге, очерченном углем, а вокруг свечи... так много свечей, что в срубе без окон светло было как днем. В том гробу лежала сама баба Унгина – руки на груди, платок на голове, глаза... белые... Они еще с Эми-

лем спорить начали – померла или нет. Вдруг белые глаза как-то сами собой изменились, тонкие губы скривились и... Унгина села. То, как они орали и удирали из того чертова дома, слышала и видела вся округа. Казалось, что они даже заикаться начали. Хотя, да, Том от страха заикаться начал, а Эмиль вообще онемел. Спасибо Густаву. Принес от бабки какое-то горькое пойло, все как рукой сняло, а то ходили, как два немтыря, слова не скажешь. А вообще она хорошая. Пирожки с малиной вкусные печет, их с Эмилем привечает, о делах расспрашивает. Это она посоветовала им к королю в солдаты податься, сказала, что отец (король-отец то есть, она его всегда так называет – король-отец) всему обучит, ему только в радость будет. Густаву тоже не мешало бы научиться мечом владеть, хотя у него словом лучше получается врага остановить, чем делом. Том однажды спросил у ведьмы, почему его в семье так не любят, братья дразнят все время, насмеваются, хотел попросить, чтобы камни баба Унгина кинула, посмотрела, что и как у него на роду написано, интересно ведь, может она шепоток какой знает, чтобы ему хоть немного счастья улыбнулось. А она сказала, что и без камней все знает давно. Велела друзей всегда держаться. Только таких, настоящих, которые ради него жизнь отдадут не задумываясь. А отец его любит, очень любит. Вот Том и держался поближе к Эмилю и Густаву. А с королем вообще смешно вышло. Как-то они пролезли на задний двор королевского замка, а там только-только дубовую бочку сгрузили

с рыбой, все разошлись куда-то. Эмиль тут же сунул нос в бочку, потому что рыба – это его слабость, и ему обязательно хотелось понять, чем же самого короля кормят. А таааам... чего только нет! Особо он поразился рыбине с длинным носом. И давай ее ловить голыми руками! Том на страже стоял, но так увлекся, что сам начал ему помогать. И вот когда они изловили ту огромную гадину с длинным носом, вытащили ее из бочки и обмазали песком, чтобы удобнее тащить было, за спиной раздался голос:

«Куда понесли?»

Том бросил рыбину и рванул вон со двора, а когда обернулся на бегу, то понял, что король сцапал Эмиля. Пришлось возвращаться. Не бросать же друга.

«И что мне с вами делать?» – поинтересовался король, крепко держа Эмиля за ухо, отчего тот постанывал и попискивал.

«Отпустить, – растерянно дернул Том плечами, нервно комкая конец пояса. – Мы же... ничего не сделали».

«А кто мою стерлядь украсть хотел?» – улыбнулся монарх.

«Ух ты! Это стерлядь? – позабыв про ухо, восторженно воскликнул Эмиль. – Никогда не видел. Только слышал о ней. Так вот ты какая...»

А потом они втроем ели эту стерлядь и облизывали от удовольствия пальцы. Король даже угостил их вином, только Тому оно не понравилось. А когда парень окончательно захмелел, то и вовсе набрался наглости и сказал:

«Нам баба Унгина сказала, что вы нас ратному делу научите. Вот мы и пришли. Учите».

Король захохотал, хлопнул его по плечу, так, что Том едва стерлядь обратно не срыгнул, и сказал, что государственных дел у него много, но так и быть, возьмет их в ученики. А если еще кто с вашей улицы захочет стать воином, то так и быть, пусть Том сам решит, кого брать, а кого нет. На том и разошлись.

– Чего вчера-то было? – спросил Густав, лениво поворачиваясь к солнцу то одним боком, то другим, чтобы побыстрее обсохнуть со всех сторон. С мокрых светло-русых волос капала вода, сбегая по бледной груди и плечам

– А что вчера было? – лукаво глянул на друга Эмиль, встряхивая на землю рыбу из садка. Его рыжие волосы отличали золотом в солнечных лучах. Том даже зажмурился.

– Говорят, принц с коня свалился. И ему в этом кое-кто помог.

– Аааа, – протянул он. – Ты об этом. Ну, да, сдурил я как-то. Мне почему-то казалось, что Цветочек умеет ездить верхом.

– Все равно смешно было. Он потом никак встать не мог. В грязи ноги разъезжались. Я чуть от смеха не лопнул. Он еще так глянул на меня зло, – захихикал Том, зябко обнимая себя за плечи и переминаясь с ноги на ногу. Все ж купаться в мае рановато, пусть и жарко уже, но вода все равно не прогрелась.

– Угу, – поддакнул Эмиль. – Ты вот можешь представить его нашим королем? Вот его надо будет защищать, под его знамена вставать, его слушаться... А эта рохля даже верхом ездить не умеет, зажатый какой-то, меч взял, так чуть ручки тоооооненькие не переломил. Хоть бы уж отца не позорил.

– Ага, – кивнул Том, клацая зубами от холода.

Густав усмехнулся и скептически покачал головой.

Они сидели втроем у костра и жарили плотвичку и окуней на веточках. Внизу под костром запекался судак. Густав обмотал тушку какой-то травкой, а Эмиль обмазал ее толстым слоем глины. Том сгреб костер в сторону и быстро вычистил ямку. Затем они положили туда рыбу и все это сверху обратно засыпали красными углями. Они действовали быстро и слаженно, понимая друг друга с полуслова. Потом болтали ни о чем, о пустяках, передавая кувшин с молоком по кругу. Через некоторое время Том насытился и подобрел. Отвалился рядом на травку, подставляя впалое пузо солнышку. Закрыв глаза от удовольствия – хорошо-то как... Кузнечик совсем рядом поет. Друзья о чем-то тихо говорят. Зевнул... И задремал.

А вечером отец взял крапиву и отходил его со всей дури вдоль хребта – про огород-то он напрочь забыл. Да и Ральф потом пендаля отвесил, сообщив, что Том минимум три дня будет за него вкалывать, и пусть только слово против скажет – Ульрих быстро его норов усмирит. Почему-то Ульрих всегда горой стоял за средних братьев и люто ненавидел самого

младшего. И хоть отец в обиду его не давал, а мать всегда старалась защитить, но разве ж родители знали, что зажать Тома где-нибудь в темном углу, толкнуть в хлеву, подставить подножку или окатить грязью – это было самое любимое тайное развлечение братьев. А под словом «вкалывать» скрывалось, что Том теперь не только хлев будет один чистить и за скотиной ходить, но и матери по хозяйству и с огородом будет один помогать. При этом Ральф будет стоять рядом и делать все возможное, чтобы брату жизнь медом не казалась. Нет, Том пробовал жаловаться – тогда братья устраивали ему темные, Том пробовал сопротивляться – братья подставляли его, Том старался как-то пресечь все это, но потом понял, что на каждый его чих, они все равно придумают три «будь здоров» и один хуже другого. Он прятался на сеновале, в одиночестве переживая свои неприятности, и с горечью думал, что жизнь – штука весьма несправедливая.

Через неделю, когда его рабство на Ральфа закончилось, Том смог наконец-то выбраться во дворец. Король встретил его с радостью, спросил, как он себя чувствует.

– Ну, по крайней мере, он уже так не кашляет, – с глубокомыслием на лице сообщил Эмиль.

– Уже не кашляю, – эхом повторил Том.

– А мне Эмиль сказал, что ты приболел. Вы же купались, да? Холодно еще. Ханса нет, спросить не у кого, хотел уж гонца до вашего дома посылать.

– Ваше величество так добры ко мне, – повесил он голову,

краснея. – Не стоило беспокоиться.

– Запомни, мой мальчик, для короля нет ничего важнее его подданных, – приобнял за плечи монарх.

– Важнее даже сына? – неожиданно выдал Том и сам испугался.

Король рассмеялся.

– Идите, берите кинжалы, я научу вас их метать, как янычары. Знаете, кто такие янычары?

Мальчишки замотали головами.

– А мне вот довелось с ними познакомиться...

И полился рассказ неспешной рекой о путешествиях и дальних странах, о людях в смешных обмотках на головах и широких штанах, собранных на щиколотках, о славных боях и победах. И ставил король руку своим будущим воинам, объяснял, как кинжал держать да ветер ловить, как целиться и как не порезаться, как летит острое тонкое лезвие и в дерево вонзается. Вечером собрали мальчишки королевский табун и ушли в ночное – отрабатывать броски, чтобы потом показать королю, какие они воины искусные, как быстро всему учатся.

– Эмиль, вы без меня лошадей отгоните? – беспокойно спросил Том, поглядывая на красно-желто-розовый горизонт. – Мне б домой. Отца нет – он через пару дней вернется. Сейчас все на Ульрихе. А он мне голову оторвет, если я скотину не покормлю и корову не подою, на пастбище ее не выгоню. Не успею я и табун отогнать, и дома дела переделать

до его пробуждения.

– Слушай, ну давай я с ним сам поговорю? Хочешь, с ребятами его где-нибудь встретим да объясним что почему? Ты ж, считай, на службе у короля, ты не просто так где-то с девками балуешься. Или бабу Унгиноу попрошу понос на них наслать, если обижать тебя будут. Ну, ты не хочешь, давай я. Том, от меня куска не отвалится.

– Не надо... Я сам... Как-нибудь... – тихо-тихо ответил он. – Я через западные ворота пойду, так быстрее. Ты гони табун через брод к северным воротам. А я в нашем месте переплыву да напрямик до дома рвану. Успею.

– Я все равно с бабой Унгиной поговорю, – упрямо поджал Эмиль губы.

Том улыбнулся, попрощался с друзьями и бегом понесся через луг к реке. Надо успеть до того, как Ульрих проснется, иначе быть битым опять. Не дай бог, если с отцом что-то случится, братья со свету сживут. Мать хоть и заступает, но чем старше сыновья становятся, тем меньше они ее слушают. Быть ему битым...

В этом месте река делала резкий поворот. Берег здесь неровный – то вздымается вверх высокими стенами, в которых устраивали свои жилища стрижи и ласточки, то пологий и болотистый. Перед самым поворотом совсем мелко, там девки любят купаться до самого сентября, а вот за поворотом место узкое и глубокое, там рыба хорошо ловится, Эмиль сети ставит. Там омуты – купаться опасно, но они втроем очень

хорошо плавают и им не страшно.

Том выбежал на песчаный берег, не заметив невдалеке у кустов каких-то людей. Скинул промокшие от росы боты, принялся развязывать тесемки ремешка, чтобы снять штаны и рубаху.

– Девственник.

Он дернулся, словно его кольнули в спину, отшатнулся в сторону, оборачиваясь. Перед ним стояло шесть разновозрастных женщин и девушек. Голые, с распущенными волосами и какими-то ожерельями из костей на груди.

– Все так, как сказали кости, – мрачно произнесла седая тетка с безумными черными глазами и обвисшей грудью.

Том попятился к воде, кожей чувствуя исходящую от нее опасность.

– Кровь девственника продлит жизнь.

Он криво улыбнулся и опрометью кинулся к реке. Они не догонят его. Не смогут. Он слишком хорошо плавает.

– Стой! – приказала колдунья.

И Том кулем рухнул на песок, не в силах шевелить ни рукой, ни ногой.

Женщины подошли к нему, перевернули на спину.

– Девственник, – удовлетворенно повторила она. – Подготовь его, – посмотрела на взрослую грузную женщину, потом повернулась к молодой: – Принеси мне тряпку со своей первой мертвой кровью. А ты, – ткнула кривым пальцем в самую старшую, – дай мне тряпку со своей последней мертвой

кровью. И мне нужна живая кровь девственницы, – глянула на самую молоденькую девочку. Та покорно выставила руку.

Том крутил головой и мычал, из глаз, наполненных ужасом, текли слезы. К женщинам приблизилась крупная молодая женщина. Она заметно нервничала.

Та, которой велели подготовить его, и еще одна, примерно одного с первой возраста, стянули с беззащитного мальчика рубаху и штаны и начали завязывать на его запястьях и ступнях веревки. Растянули их в стороны. Узлы затянулись, пережимая кровь.

– Сильнее! Тяните сильнее! – приказала ведьма.

Женщины и девочки с силой начали растягивать веревки, словно пытаясь разорвать пленника на части. Ведьма хищно улыбнулась, доставая ритуальный нож:

– Кровь девственника продлит жизнь.

Щелкнула пальцами, и Том почувствовал, что вновь может двигаться. Он начал отчаянно извиваться, пытаясь вырвать веревки из рук мучительниц. Старуха склонилась над ним и рассмеялась сухим, каркающим смехом. Занесла кинжал над животом, явно собираясь выпустить ему кишки. Том крутанул головой и заорал от нестерпимой боли, жгучего стыда и липкого страха.

Глава 3. Отражение

Лола ловко заправляла простыни под матрас и взбивала подушки.

– Погуляли б вы, ваше высочество. На улице такая погода хорошая, – она смахнула пот со лба. Подошла к окну и распахнула его.

Принц сидел в кресле, подложив под спину подушечку и поджав ноги, листал книгу из отцовской библиотеки. Он нашел ее на самой дальней полке и был полностью поглощен картинками. На страницах были нарисованы странные жуки и пауки, каких он раньше не видывал. Цветочек достаточно быстро разобрался, что в книге три раздела – ядовитые, не ядовитые и еще какие-то насекомые. А вот дальше дело не пошло, потому что странные буквы-значки никакой дешифровке не поддавались вообще. Он только мог рассматривать картинки и по ним пытаться узнать, что же автор имел в виду. Вот, например, этот волосатый паук опасен: на одной картинке он ползет по спящему человеку, на второй – кусает его, а на третьей – несчастного все оплакивают, а паук притаился под кроватью и зловеще ухмыляется. Всё хорошо, только что же это за письмена такие, что не разобрать, о чем написано... Надо будет как-нибудь спросить у узкоглазого посла, он пару раз в год во дворце появляется. А еще ему было очень инте-

ресно просто полистать страницы и посмотреть на картинки с точки зрения другой культуры. Женщины странно одеты, совсем не как у них в королевстве. Мужчины (он определил это по усам) тоже ходят в платьях. Книга богатая. Обложка с чеканкой, украшена драгоценными камнями. Еще б понимать, о чем там...

– И вы вот так прям разбираетесь, что там написано? – вывела его из состояния задумчивости Лола.

– Нет, – вздохнул Цветочек. – Я не знаю этого языка и не понимаю букв. Просто листаю.

– Хм, – разочаровано пожала девушка плечами. – Какой смысл в этих книгах? Только глаза портить.

– Ты не права. В книгах описаны знания древних, законы мироздания. В них рассказывается о дальних странах, о том, как живут люди. Это очень интересно. Я бы хотел увидеть все это своими глазами.

– Пфу! Глупости какие! Да чтобы попасть в дальние страны всей жизни не хватит.

– Лола, а ты где вообще была? – с интересом уставился на нее принц.

– На речке, – после паузы ответила девушка. – Иногда в лес хожу по ягоды. Да и зачем мне куда-то ездить, когда мне и дома хорошо? Кстати, ваше высочество, вы хоть раз были на речке за городской стеной?

– Нет. Король не разрешает мне никуда выходить из замка. Только под охраной. Мы и ездили-то с ним всего один раз

к дяде Генриху в его княжество. Они, помню, разругались на второй день, и мы быстро уехали. – Вилл нахмурился. Наверное, он на всю жизнь запомнил, с какой испепеляющей ненавистью смотрел на него дядя.

– Вот и зря! Знаете, какая вода чудесная. Теплая-теплая. Там много наших купается. Вы б тоже сходили, чего дома сидите, кисните? Одно дело книги читать, а другое самому мир познавать.

– Хорошо. Спасибо тебе.

Принц полдня слонялся без дела по замку и думал о том, что Лола, в принципе, права. Какой смысл мечтать о дальних странах, если ты не был дальше порога собственного дома? И к вечеру Цветочек решил, что пора становиться самостоятельным. Во дворе кто-то очень некстати запел.

– Мы помним пыль арены, рев толпы —

Под тихий посвист стрел и звон мечей

Мы нарушали правила игры...

И нестройный мальчишеский хор тут же подхватил:

– Пыль, кровь, песок – повсюду смерть

И выживет лишь тот, не дрогнет чья рука

И чей быстрее клинок...

«Это невозможно!» – сказала Причина.

«Это безрассудство!» – заметил Опыт.

«Это бесполезно!» – отрезала Гордость.

«Попробуй...» – сказала Мечта.

Он выглянул в окно – пел король и его мальчишки. Цвето-

чек тут же выделил в толпе темно-русую голову Тома. Улыбнулся. Последнюю неделю он не видел его. Рыжеволосый конопатый парень приходил. Светловолосый увалень, сын тети Унгины, тоже часто забегал. А вот Тома с ними не было. И к концу недели принц так себя накрутил, что собрался уже посылать Лолу, чтобы та поболтала с мальчишками и между делом узнала, куда делся Том. Да что греха таить, он бы и сам к ним спустился и спросил, только не хотел на глаза показываться. После того случая с лошадью и грязью, ему казалось, что над ним смеется весь замок и вся страна. Он и от отца-то скрывался, чувствуя, что опозорил его. В общем, сегодня он попробует. Да, сегодня он обязательно попробует. Вон и Том объявился как добрый знак. Он выйдет за стены замка. Один. Без охраны. Он рискнет. Все равно он в королевстве хоть и наследный принц, но самый бесполезный человек. А потом можно будет собой гордиться – смог, не трусил, получилось.

Как назло, к королю кто-то приехал в гости. Не посол и не по делам, а так, поесть, выпить и лясы поточить. Поэтому Цветочек осторожно шастал туда-сюда мимо зала и все прислушивался, когда ж они разойдутся по спальням. И вот, глубокой ночью все в их замке наконец-то стихло. Мерный храп короля разносился по темным коридорам. Гость во сне что-то болтал. Принц переоделся во все черное, накинул на плечи легкий плащ и смело двинулся на кухню, откуда через задний двор намеревался выйти в город, а оттуда рвануть до

ближайших ворот и к речке.

В городе было очень темно и страшно. Кое-где горели факелы. Дорога оказалась такой разбитой, что передвигаться приходилось по самой кромке около заборчиков, держась за штакетник, чтобы не навернуться в грязь. Он примерно знал куда идти, видел у отца план города и представлял себе, что и как. Однако в темноте ориентироваться было трудно, а днем его хватятся. Прошел базарную площадь и большой собор. Значит, идет в верном направлении. Теперь по прямой до жилых домов, а оттуда уже и до ворот недалеко. Эх, тут бы все посмотреть! Как люди живут, что за дома у них, какое хозяйство! Да в темноте ничего не видно. Центральные улицы широкие – по ним сам король ездит со свитой, а прилегающие такие узкие, что два всадника с трудом разойдутся. Интересно! Как же все вокруг интересно! Как бы это все посмотреть-потрогать? Ведь сидит он в замке, книжки читает, общается иногда с Лолой и Леопольдом, за Томом наблюдает, а света белого не видит. На речке вот ни разу не был. В лес не ходил. Он и не знает, какой он этот мир...

Выйдя за ворота, Цветочек остановился и вдохнул свежий воздух полной грудью. Их город огромный! Наверное, самый большой во всем мире. Нет, он понимал, что есть и больше, но сейчас его родной город был самым большим в мире! Внизу блестела атласная лента реки. Надо только пройти мимо всех этих построек, огородов и пастбищ, а потом спуститься вниз к реке. Сказано? Сделано! Принц бодрым ша-

гом потрусил по дороге к манящей серебристой ленте. Как будто в помощь ему из-за облаков выглянула огромная луна, улыбнулась и засияла пуще прежнего.

Но спуститься к воде у него никак не получалось – берег слишком высокий и принц побоялся свернуть себе шею в незнакомом месте. Однако душная ночь и разгоряченное тело упрямо требовали водных процедур. Приметив песчаный пляж на той стороне, он добрался до ближайшего мостика, перешел на другую сторону и посеменил вдоль берега по едва различимой в утреннем полумраке тропинке, наблюдая, как с реки постепенно поднимается туман и расползается по лугам. Становится все светлее. Уже в небе прочертили разноцветные линии солнечные лучи. Уже луна как будто прощается с ним. На горизонте чернеет полоска леса. И городские стены с той стороны ошетинились сторожевыми башнями. Как же мир прекрасен!

Тропинка разделилась – одна пошла под уклон, вторая повела дальше вдоль берега. Цветочек нетерпеливо сбежал с горки вниз. Подошел совсем близко к воде и осторожно коснулся ее пальцем. Холодная. Мокрая. Как здорово! А если искупаться? Вот прямо сейчас снять с себя всю одежду и залезть в воду! Да! Отважиться и залезть в воду!

Он отошел к кустам, снял плащ, сапоги, котту и камизу. Развязал тесемку на штанах... Где-то совсем рядом раздался треск сухой ветки. Принц насторожился, сгреб в охапку одежду и юркнул в заросли. Чутье его не подвело – через

несколько секунд с горки спустились... женщины? Все в черном. Все с распущенными волосами и какими-то ожерельями на шеях. Они шли молча. По росту (похоже, что по старшинству). Впереди важно вышагивала упитанная старушка – самая старая, потому что почти совсем седая. Цветочек, стараясь не шуметь, начал торопливо одеваться.

Женщины остановились, о чем-то поговорили, разделись догола, оставив лишь костлявые ожерелья, и встали в круг.

Ведьмы... – догадался Вилл, во все глаза уставившись на настоящих колдуний. Хотя нет, ведьма была только одна. Остальные пять ее слушались беспрекословно. Она очертила круг на песке, положила туда что-то, начала читать заговор, сплевывая на каждую сторону света. Толстая молодая женщина с большой круглой попой и огромными белыми грудями медленно вплыла в круг и начала плавно кружиться, при этом жир на ее боках мягко перекачивался под кожей, а груди подрагивали, как живые. Вилл как замороженный во все глаза пялился на нее. Он еще никогда в жизни не видел такого. Ведьма подала знак остальным подойти... и тут из-за кустов откуда-то вывалился Том.

Мальчишка, не замечая женщин, пронесся к воде, остановился совсем рядом с принцем и начал торопливо раздеваться. Цветочек побледнел, помертвел и чуть не умер от страха одновременно. Хотелось схватить его за шкуру и волоком тащить отсюда, потому что даже принц знал, что мешать ведьмам – значит подписать себе смертный приговор.

– Девственник, – воскликнула ведьма. И Том дернулся, обернулся, попятился к воде. – Все так, как сказали кости. Кровь девственника продлит жизнь.

Вилл затаил дыхание. Мысленно умоляя его бежать! Бежать так быстро, как только сможет. И Том, словно услышав его мольбы, кинулся к воде, явно намереваясь уплыть от старухи.

– Стой! – хлопнула она в ладоши, и Том, будто бы разом потеряв всякую способность двигаться, неуклюже полетел на песок, не имея возможности даже выставить при падении руки.

– Девственник, – ухмыльнулась ведьма, когда женщины перевернули мальчишку на спину. Он беспомощно крутил головой и что-то мычал. Наверное, колдовство лишило его возможности не только двигаться, но и говорить. – Подготовь его! Принеси мне тряпку со своей первой мертвой кровью. А ты дай мне тряпку со своей последней мертвой кровью. И мне нужна живая кровь девственницы, – раздавала она указания.

И Вилл перепугался до икоты, когда понял, что они собрались делать – с Тома стянули рубаху и штаны и начали связывать по рукам и ногам. Они же не на самом деле решили его разорвать? Они же не сделают этого? Они не посмеют! Он же живой!

Тетка с большими сиськами нетерпеливо ходила по линии обзора, закрывая все своей жирной задницей! Надо что-то

делать! Надо срочно что-то делать! Но что? Их вон сколько, а Вилл один.

Тетки нервничали. Дергали за веревки, привязанные к ногам и рукам Тома резко и сильно (у Цветочка даже суставы заломило). Мальчишка стонал, но ничего сделать не мог.

– Сильнее! Тяните сильнее! – приказала ведьма.

Женщины и девочки с силой начали растягивать веревки, словно действительно собираясь разорвать пленника на части. Цветочек едва не взвыл от пронзившей его от рук и ног боли. Настоящей, физической, совершенно реальной жгучей боли. Боль прошла по конечностям маленькими молниями и ударила в центр груди. Он аж подпрыгнул от неожиданности. Том беззвучно рыдал и мычал. Ведьма хищно улыбнулась, доставая ритуальный нож:

– Кровь девственника продлит жизнь, – произнесла зловеще.

Его вывел из транса истошный вопль Тома. Такой отчаянный, такой перепуганный. Вилл вдруг расправил плечи, разом вспомнив, что он, как ни крути, а все ж наследный принц, и его не тронут. Ну... По идее не должны тронуть, конечно. Но не давать же Тома в обиду!

– Вы с ума сошли?! – заорал он, вырываясь из кустов диким зверем.

Женщины замерли, продолжая натягивать веревки. Ведьма разъяренно обернулась. Том продолжал орать, умолять о помощи и извиваться.

– Немедленно отпустите его! Я вам приказываю! – он с вызовом смотрел в глаза ведьме, на всякий случай, достав из ножен кинжал. – Я приказываю! Выполняйте приказ крон-принца! Отпустите его!

Женщины отпустили веревки и отступили, прикрываясь. Том тут же скрючился, прижав руки к груди. Вильгельм, плотно сжав губы, с ненавистью вцепился взглядом в ведьму.

– Только попробуйте что-нибудь сделать, – шипел он, встав над парнем так, чтобы никто и близко к нему не подошел. – Вас отец на лошадях порвет. По-настоящему! В самом деле! Живьем разорвет!

Ведьма молча вглядывалась в его лицо, словно изучая. Потом подошла к корчившемуся от боли Тому, не обращая внимания на принца, стряхнула прилипшие ко лбу волосы и вытерла морщинистой рукой лицо, очищая от слез и песка. Еще раз глянула на Вилла. Ухмыльнулась.

– Привет Унгине передавай, – она неприятно засмеялась. Бросила безразлично: – Цветочек.

Принца передернуло от негодования.

– Убирайся к чертям, старая ведьма! – рявкнул ей в спину.

Женщины подхватили одежды и пошли прочь. Проводив их взглядом и убедившись, что им больше не угрожает опасность, Вилл склонился над Томом.

– Покажи, – нежно сказал он, пытаясь развернуть свернувшееся в калачик всхлипывающее тело.

Том протяжно взвыл и сжался еще сильнее. Его тело на-

чала бить мелкая дрожь.

– Я помогу. Покажи. – Вилл почувствовал, что и сам сейчас вот-вот заистерит. – Осторожно покажи. Ну, давай, Том, позволь мне тебе помочь.

Тот отчаянно затряс головой, давая рыдания громкими всхлипами.

– Послушай, я помогу тебе. Покажи мне, что они сделали. Я постараюсь помочь.

– Мне стыдно, – на выдохе пискнул он.

– Глупости какие! Чего ты боишься? А эти... – он еще раз обвел берег взглядом. – Эти ушли. Том, здесь нет никого, кроме нас. И сейчас ты нуждаешься в помощи. Пожалуйста, Том, позволь мне помочь.

Вилл с трудом завалил его на спину и отодрал руки от груди. Чертыхнулся, увидев невероятно распухшие кисти темно-бордового, почти черного цвета.

– Послушай, я постараюсь перерезать веревки, но здесь темно и плохо видно, а узлы очень сильно затянулись, я не смогу их развязать. Я буду очень аккуратен. Ты только не шевелись, ладно? Обещаешь? – голос дрожал.

Принц очень осторожно, двумя пальчиками, ощупал поврежденные запястья. Перетянута, действительно, очень сильно, веревки впились в плоть и даже поранили кожу. Том все пытался закрыть лицо то одной рукой, то другой, но глядя на черные ладони и опухшие пальцы снова начинал всхлипывать и лить слезы. Вилл достал кинжал, облизал лез-

вие и начал осторожно надрезать первый узел, молясь, чтобы рука не дрогнула, и он не порезал его.

– Ты только не шевелись, – бормотал он, скорее себе, чем Тому. – Не шевелись. Сейчас все будет хорошо, слышишь. Времени мало прошло, кровь пережата, но это не критично. Все будет хорошо, только не шевелись.

Веревка поддалась – лопнула. Он едва успел зафиксировать руку, когда кинжал сорвался.

– Вот видишь! – радостно воскликнул Вилл, откидывая в сторону обрезки. – Всё хорошо. Сейчас кровь уйдет... Давай вторую руку. И не бойся, всё получилось!

Вторую веревку он разрезал быстрее первой – было уже не так страшно и руки не дрожали. Он действовал смелее, понимая, как именно надо сделать надрез, чтобы не поранить кожу. С ногами все вышло совсем хорошо. Он счастливо улыбнулся Тому и взял его руки в свои, принялся осторожно и очень нежно гладить и массировать каждый палец, заставляя застоявшуюся кровь двигаться быстрее.

Когда опухоль немного спала, и руки Тома стали похожи на руки, Вильгельм обнял тихо плачущего мальчишку, как когда-то его обнимала кормилица, прижал к груди и погладил по спине, приговаривая:

– Не бойся, с руками все будет хорошо. Надо немного времени, но уже сейчас видно, что с ними все хорошо. Они не повредили. Не успели. Руки и ноги двигаются. Всё пройдет. Прости, я видел... Но они так быстро действовали и было

так страшно, что я сначала не понял, а потом... Прости... Если бы я вмешался раньше, то они бы ничего тебе не сделали. Это я виноват. Прости...

Он прижимался щекой к его макушке, как когда-то прижималась щекой к нему кормилица. Он гладил его по спине, по плечам, по рукам, как когда-то гладила кормилица. Он окутывал его лаской, по которой соскучился сам, которая накопилась в нем за эти долгие месяцы без кормилицы. Он интуитивно старался прижать его посильнее к себе, чувствуя, что от тесного контакта, Том успокаивается, перестает дрожать, сам прижимается к нему, крепко обняв. Когда он окончательно успокоился и перестал лить слезы, Вилл наклонился к самому уху и зашептал:

– Послушай, давай договоримся. Об этом никто никогда не узнает. Они – ведьмы – никому ничего не скажут – так они испортят колдовство, которое у них все равно не получилось. Но о колдовстве нельзя говорить, а значит они болтать не будут. Я не скажу никому. Мне просто некому. Да и король, если узнает, что я один ночью выходил из замка... В общем, ему не надо знать, что меня не было в замке. И ты тоже молчи, никому не говори, даже своим друзьям. Когда никто не знает, то ничего и не было, хорошо? – Том кивнул. – Не выдавай меня. Король в гневе убить может.

– А что вы здесь делали? – поднял на него Том красные глаза.

Вилл не поверил собственным ушам – Том заговорил с

ним! Том! Том заговорил с ним! В груди все ликовало и пело, кружилось в быстром хороводе, распускалось ромашками и яркими маками. Он очень осторожно убрал волосы с его лица и вытер слезы. Посмотрел в синие лисьи глаза с длинными ресницами, которые доставали почти до бровей. Провел пальцем по контуру лица от виска к подбородку, по перебитой брови, по белому, едва заметному шраму на щеке.

– Я в тебя как в зеркало смотрю, – произнес удивленно. – Только у тебя родинки тут, – кончик пальца коснулся родинки под своей губой, а потом того же места под его, – родинки тут нет. А у меня тут нет, – прикосновение к родинке на его щеке, а потом на то же место к своей. Рывком обнял его опять, прижавшись щекой к макушке. Том не вырывался, не дергался, крепче сцепил руки за спиной. – Я никогда в жизни не был за стенами замка. Никогда не купался в реке. Я хотел сегодня попробовать, каково это искупаться в реке.

Том опять поднял к нему лицо.

– А вы плавать умеете?

Вильгельм качнул головой, отчаянно оттягивая момент, когда надо будет выпустить его из своих объятий.

– Тогда вам здесь нельзя купаться. Тут омуты. На дно затянут. Это самое гиблое место на реке, – бормотал Том.

– А ты?

– А я плавать умею. Мы здесь всегда с ребятами рыбу ловим. Тут Эмиль сети ставит, потому что рыбы много по дну ходит. Мне здесь до дома близко...

Принц прислушивался к нему – к выравнивающемуся дыханию, к успокаивающемуся сердцу, к малейшему движению. Надо уже отпускать, но не хочется. Наверное, он выглядит, как последний придурок, вцепившись в него. Но какое-то странное чувство чего-то своего, родного, такого же безумно одинокого, заполняет тело и разум, заставляя оттягивать момент расставания как можно дольше.

– Тебе, наверное, домой надо, да? – тихо спросил Вилл.

Том покачал головой, пощекотав волосами его губы.

– Мне уже лучше дома не показываться... Ульрих скорее всего проснулся...

– Кто это?

– Мой старший брат... – поморщился он.

– Хочешь, я пойду с тобой и скажу, что ты спас меня, попрошу, чтобы тебя не трогали? Или хочешь, пойдем в замок... Король любит тебя, он разрешит остаться. – В голосе послышались какие-то истеричные нотки. Том сейчас уйдет. А вдруг не вернется? Вдруг не захочет его больше видеть?

– Я не могу. Его величество добры ко мне, но я не хочу этим злоупотреблять.

Том не разнимал рук, не отстранялся, так и сидел, уткнувшись носом в его грудь. Вилл гладил его по спине, пальцы путались в спутанных влажных волосах. Завтра ничего этого не будет. Завтра Том придет в себя и даже не повернет носа в его сторону. А сейчас он такой беззащитный, такой родной, такой теплый сидит у него в объятиях и дарит ни с чем не

сравнимое ощущение радости и покоя.

– Вам, наверное, домой надо? – спросил Том тихо через несколько самых счастливых в жизни Вилла минут.

Принц хмыкнул и с горечью произнес:

– Мне уже лучше в замке не показываться... Король скорее всего проснулся...

Том задумался, а потом отстранился (стало сразу же пронзительно холодно) и сказал:

– Раз уж нам двоим попадет, то, предлагаю, сделать вот что. Пока рано и на реке никого нет, пойдемте купаться. Только на мелководье, здесь действительно очень опасное место. Я хочу с себя все смыть, а вы, ваше высочество... Ну, право слово, зря что ли вы пришли на речку? А потом я провожу вас в замок.

– А ты?

– А я что-нибудь придумаю. Просто уже совсем светло, люди на улицы выходят, а вам бы не надо без охраны ходить, тут его величество прав. Мало ли что может случиться. Я проведу вас к замку безлюдными улочками. Так безопасно.

Том с явным неудовольствием отодвинулся от принца и осторожно поднялся.

– Больно? – заботливо спросил Вилл, внимательно осматривая травмы – красные кривые полосы на руках и ногах. Но, в целом, кажется, всё хорошо. Кровообращение восстановилось, опухоль окончательно спала и руки такие, какими и должны быть – нормальные и розовые.

– Вроде бы нет. Неприятно немного, – бережно осматривая себя, отозвался Том. – Вон следы красные остались. – Провел пальцем. Показал. – Я думал, что они мне руки совсем оторвут. Такая сильная боль была, словно молниями прошила от пальцев к плечам и по груди ударила.

Вилл удивленно вскинул голову, открыл рот, чтобы сказать, что почувствовал то же самое, но смог лишь кивнуть.

– К вечеру пройдет. – Том отряхнул зад от песка, натянул штаны и рубашку поискал по берегу боты. – Ну что, ваше высочество, айда купаться?

Вильгельм с готовностью вскочил. Вытащил из кустов тонкий шелковый плащ, про который в спешке забыл. Завязал тесемки и накинул на голову капюшон. Мальчишка прошелся туда-сюда, явно прислушиваясь к собственным ощущениям, а потом махнул рукой, призывая принца идти за собой. Хотя, конечно, по всем правилам этикета надо было его пропустить вперед. Все-таки принц, да еще наследный.

Том привел его к самому спокойному месту – здесь отмель, течение почти не чувствуется, берег песчаный и пологий. Принц, по идее, утонуть не должен, даже если решится на такое специально.

– Здесь безопасно, – заверил он подрастерявшую всякую храбрость венценосную особу. Цветочек стоял немного напуганный и явно растерянный. Том ободряюще улыбнулся: – Я буду рядом, поэтому не бойтесь ничего.

Скинул с себя одежду, с разбега вошел в воду и, вытянув

руки, нырнул. Принц замер, с ужасом вцепившись взглядом в дорожку мелких пузырьков. Том вынырнул почти на середине, мотнул головой, скидывая с лица волосы и воду, и замахал ему рукой.

– Ваше высочество, раздевайтесь! Вода чудесная!

Вилл, залившись краской, медленно развязал тесемки сначала плаща, потом штанов... Том наблюдал за ним с середины реки – голова смешно торчала над водой. Прикрыв чресла руками, принц маленькими шажками направился к воде.

Он входил очень медленно и осторожно, словно под водой его ждали чудовища. Напряженно. Готовый сорваться с места и рвануть на сушу в любой момент. Том подплыл на мелководье и уселся на песок, вытянув ноги так, что на поверхности теперь торчали его пальцы и тело по пояс.

– Страшно? – склонил голову на бок. Волосы сосульками свисали до плеч, с них стекали капли, блестели в лучах просыпающегося солнца.

Цветочек кивнул и закусил губу, войдя только по колено. Том рывком встал, протянул ему руку.

– Здесь мелко, правда. Здесь купаются только девчонки. А мы вон оттуда, – указал на противоположный берег, покрытый зарослями мелкого кустарника, – за ними подглядываем. Они раздеваются догола и плескаются.

Принц осторожно взял его за руку. Сделал еще один робкий шаг вперед. Том потянул на себя, заставляя его двигаться.

ся быстрее. Завел в воду примерно по грудь, поднырнул, но руки не выпустил, позволяя Цветочку видеть, как он плавает под водой. Выскочил из воды, обдав брызгами. Засмеялся.

– Научить тебя?

Вилл закивал.

– Смотри, все очень просто. Надо научиться держаться на воде. Я покажу.

Том отошел на шаг, и лег на воду лицом вниз. Волосы заструились в воде шелком. Слегка загорелая попа тут же всплыла. Они крепко держались за руки. Том боялся, что принц сдурит и удерет, а Вилл переживал, что мальчишка утонет, а он не успеет ему помочь.

– Теперь ты, – вытер лицо.

– Я не умею, – отшатнулся.

– Я научу.

И Том ловко опрокинул его, ухватив за шею и под живот. Рука переместилась под подбородок, не давая голове опуститься в воду. Вилл судорожно вцепился ему в руку, чувствуя, как ноги отрываются от дна, и Том рукой легко поднимает тело к поверхности.

– Расслабься. Просто расслабься. Вода сама будет держать тебя.

– Я не могу... Не получается.

– Получается. Ты расслабься. Ну... Давай же...

Цветочек с трудом снял скованность с конечностей, позволив им просто болтаться на весу, но одна рука все равно

крепко держится за предплечье Тома. Тот второй рукой поддерживает его за плечи.

– Попробуй поднять зад к поверхности.

Принц чуть выгнулся и... попа вынырнула. Том попятился назад, провезя его по воде.

– А теперь давай попробуем вот так, – он осторожно отпустил его, позволяя встать на дно. – Смотри. – Откинулся на спину, раскидав руки и ноги в разные стороны. – Это очень просто. Держи тело ровно, следи, чтобы пальцы были на поверхности и вода в лицо не попадала. Всё.

Вилл смотрел, как тонкий и худой мальчишка раскинулся в позе звезды. Сейчас хорошо были видны полукружья ребер и впалый живот с аккуратной впадинкой пупка, косточки таза выпирают. Тонкие длинные ноги. Принц стыдливо отвел взгляд. Он и сам выглядит примерно так же... Только худее.

– Ну? – встал Том. – Теперь твоя очередь.

– У меня не получится.

– Почему?

– Я не умею.

– А ты пробовал?

– Нет.

– А почему не получится, если ты не пробовал?

Зашел за спину. Руки на плечи, осторожно нажал назад. Вилл доверчиво лег на воду, закрывая глаза. Том поддерживал под поясницу и плечи, не позволяя ему опуститься. Принц слушал мир сквозь толщу воды почти с благого-

вейным страхом. Том что-то говорил, но он не очень понимал, что именно. Смеялся. И улыбка такая... счастливая... Слышно собственное дыхание и стук сердца. Хочется всегда лежать на воде. Том что-то сказал со смехом, похлопав в воде по его животу. Цветочек приподнял голову, вопросительно сдвинув брови.

– Я говорю, что ты хоть и принц, а живот, как у меня, такой же впалый.

Вилл выгнулся, поднимая обсуждаемую часть тела на поверхность. Том опять хихикнул и похлопал по животу. Потом внезапно отпустил его и пробежался пальцами по ребрам. Принц, потеряв опору, моментально пошел ко дну, от неожиданности хлебнув воды. Замахал руками и ногами, вытаращив глаза и распахнув рот.

Том вытащил его тут же. Он и не подумал, что простая глупая шутка, может так плохо кончиться. Принц кашлял, отталкивал его от себя и куда-то рвался идти. Причем явно не в сторону берега. Том обхватил его за талию, постучал по спине. Поташил за собой на сушу. Принц упал на песок на четвереньки и принялся кашлять в кулаки. Том гладил его по спине, виновато рассматривая ровный ряд позвонков, похожий на нанизанные под кожей бусины, на вздрагивающие острые лопатки, на выступившие косточки крестца. Убрал длинные русые волосы за ухо. Провел пальцем по мочке. Потом по своей. Еще раз по его... Обычный мальчишка, как и он. Такой же. У них даже уши похожи. Только одет в доро-

гие одежды и его отец – король. Чем он отличается от него? Ничем. Такой же, как и он. Странно...

Вильгельм был похож на человека, которого впервые в жизни выпустили из чулана. Он рассматривал все с таким детским восторгом, что Том потерял всякую надежду довести его хотя бы до города. Принц метался из стороны в сторону и срывал цветы. Нюхал их. Тыкал ими в лицо смеющемуся Тому. Он любовался холмистой местностью, вдохновенно вытянувшись по струнке и сложив ладонь над глазами козырьком. Спрашивал, как далеко текут воды, что там за лесом и холмами, куда ведет вон та дорога. Он скакал вокруг, и черный плащ развивался крыльями. Он смеялся. Хлопал Тома по плечам и шутил. Том тоже улыбался. Он решил, что домой не вернется до приезда отца, потому что настроение хоть и было сильно испорченно произошедшим ночью, тем не менее его не хотелось окончательно портить общением с братьями.

В город они проскочили за обозом. Том сразу же свернул с многолюдных улиц в какие-то огороды, провел его вдоль оград, вывел на узенькие петляющие улочки. И все это время он крепко держал принца за руку. Тот доверчиво шел следом, постоянно комментируя всё, что видит. Его восхищали двух- и трехэтажные дома, стоящие так близко, что за их высотой не было видно солнца, хлюпающая грязь под ногами, маленькие оконца, то, как на них едва не попали помои, выплеснутые из этого самого оконца (повезло, что Том

успел отреагировать, а то хороши бы они вернулись ко двору в чьих-то помоях и нечистотах!). Принц умилялся от счастья встречным прохожим, с которыми они расходились, едва ли не соприкасаясь животами.

– Мой младший брат – придурок, – разводил Том руками и умильно хлопал ресницами, когда прохожие, к которым подлетал восторженный принц с объятиями, бросали на него вопросительные взгляды. Потом Том одергивал Вилла и просил его вести себя прилично и не привлекать к себе внимания. Принц кивал, но через пару минут снова начинал восхищаться окружающим миром, комментировать всё, что видит, и веселить Тома, у которого даже живот начало сводить от непрекращающегося смеха.

Когда они вышли на центральную улицу, Том заставил принца нацепить на голову капюшон и опустить лицо, потому что ему не хотелось, чтобы Цветочка узнали. Вильгельм, слава богу, внял его просьбам и угомонился, стал тихим и незаметным. Они быстро миновали опасный участок и вышли к замку с заднего двора. Фуф, кажется, добрались без приключений. Но как только принц заметил знакомые стены, он резко сник, потускнел и как-то сжался.

– Что случилось? – остановился Том, тревожно глядя в синие лисьи глаза, обрамленные длинными ресницами почти до бровей.

– Меня король... – пробормотал он, низко опуская голову.

– Давай, я скажу, что ты просил меня научить тебя пла-

вать, и вот рано утром мы ходили на речку?

– Не надо. Я не хочу, чтобы король прогнал тебя со двора. Пожалуйста, ничего ему не говори. Давай, ты пойдешь домой, а я в замок. Постараюсь проскользнуть незаметно.

– Хорошо. Я уйду. Только разреши мне проводить тебя до самого замка. Просто хочу быть уверен, что с тобой все нормально. Ты же знаешь, как беспокойно вокруг.

Цветочек кивнул, взял Тома за руку и пропустил вперед.

Они вошли в ворота и столкнулись нос к носу с королем. Принц тут же отдернул руку и затравленно посмотрел на родителя. Тот стоял в простых штанах, сапогах и просторной нижней рубаше, влажной на груди. Усы и борода тоже влажные... Видимо умывался...

– О, Том! Дружище! – радостно воскликнул он, идя навстречу мальчишке и раскрывая для него объятия. – Как я рад тебя видеть! – Монарх обнял его и похлопал по спине. – Что так рано? Где был?

Цветочек растерянно смотрел, как король куда-то уводит его друга.

– Табун в ночное гонял... – бормотал Том, косясь через плечо на принца.

Вильгельм почувствовал, как задрожали губы, а перед глазами все поплыло. Стало мерзко и неудобно.

Глава 4. Одиночество

Ничего такого король ему не сказал и про Цветочка ни разу не заикнулся. Они всего лишь увлеченно «размяли члены», то есть посражались деревянными мечами, затем Том показал ему, как приноровился метать ножи, а потом монарх ушел по своим монархическим делам, велев мальчишке не скучать, а если тот захочет есть, то сходить на кухню и попросить у Лео чего-нибудь. Том без дела послонялся по двору, прикидывая, как бы ему укрыться на несколько дней до приезда отца, чтобы король не заметил незваного гостя. И остановился на сеновале на конюшне. Там было тепло, уютно, сверху не капало. Маленькие оконца выходили на двор, обеспечивая отличный обзор территории. Он даже порадовался, что нашел такое прекрасное место. К тому же, на конюшне можно легко спрятаться и не менее легко с нее же можно уйти незамеченным, что опять-таки плюс. Найдя место для ночлега, Том пошел завтракать.

Он осторожно переступил порог кухни и застал штат поваров за работой. Все что-то разделявали, чистили, резали, варили, жарили, парили. Том никогда не видел такого разнообразия продуктов за раз. Ему навстречу вышел Леопольд, самый главный повар в их королевстве. Он сам ничего не готовил, как заметил Том, лишь раздавал короткие указания.

– Меня зовут Томас Кригер, – робко произнес мальчик. – Я сын сержанта Ханса Кригера, королевский воспитанник... Король просил, чтобы вы меня покормили. Я тут пару дней при замке поживу, пока отец не вернется. Он... – щеки залило краской. По правде говоря, врал Том плохо и всегда прокалывался.

Странно, но Лео несколько секунд внимательно смотрел на парня, а потом чуть склонил голову в поклоне.

– Что бы... эээ... ммм...

– Том, – подсказал он.

– Чего бы молодой господин хотел поесть?

Том растерялся. Откуда он знал, ест ли король кашу?

Леопольд улыбнулся, жестом попросил следовать «молодого господина» к столу в какой-то закуток. Сам чуть забежал вперед, указывая дорогу.

– Присаживайтесь, молодой господин. Сейчас я принесу вам завтрак. Простите, но обед пока не готов.

Том стыдливо ссутулился, скромненько уселся на лавку перед большим столом, зажал ладони между ног и криво улыбнулся. Через минуту перед ним поставили кусок жареного мяса с овощами, тарелку с фруктами, в большую чашу налили ягодный напиток и положили на тарелочке мягкую, белую сдобу. Том такой белый хлеб ел только однажды, когда отец из замка после пира им еды принес. Братья расхватили колбасы и жаренья, а он впервые в жизни попробовал хлеб из тонкой белой муки. Том улыбнулся, вспомнив, как разма-

чивал булку в молоке, а потом откусывал маленькие кусочки и смаковал каждую крошку. Убедившись, что это все ему, он осторожно приступил к трапезе, поглядывая исподлобья по сторонам. Казалось, что сейчас сюда влетит король и устроит скандал из-за того, что Том вот так нагло сидит и ест за общим столом, он-то рассчитывал, что ему дадут краюху серого хлеба и прогонят взащей, а они вон за стол посадили. И ничего, что за этим столом прислуга питается, он-то даже не прислуга, так... поесть зашел...

– Нет, что делается?! Что делается?! – затарахтел кто-то рядом возбужденно. Том резко обернулся и увидел, как тонкая, словно осока, девчонка с заплетенными в венок волосами, косички в котором перевиты парчовыми лентами, в ярко-красной тунике и оранжевом сюрко, расшитыми по пройме и горловине переливчатой парчой и маленькими медными бубенчиками, поставила на бочку поднос с едой. – Цветочек совсем спятил!

Лео нахмурился, вытирая руки о висящее на плече полотенце.

– Я ему говорю, поешьте, ваше высочество! – тряхнула она руками и колокольчики смешно звякнули. – Что рыдать-то? Я, отвечает, никому ненужная радость жизни... У самого глаза красные, нос опухший, сжался в кресле комочком, в одну точку смотрит. Вот что ему надо, а? Он кто? Принц! Всё есть! Ни о чем заботиться не надо – Лола поесть принесет, постель уберет, сиди себе, в окно смотри, ни о чем

не думай. На всем готовеньком живет. Вот что ему надо, а? А Лола туда-сюда бегай с завтраком!

– Не хочет есть, ну и не надо. Иди вон королевские платья проветри, – мрачно ответил отец, выставляя ее с кухни.

– Да я их утром проветрила, пока его величество умывался на заднем дворе. – Она легко уклонилась от отцовской руки и только тут заметила Тома. Ее лицо испуганно вытянулось. Она залепетала: – Ой, ваше высочество...

– Лола, иди прочь, – подтолкнул ее Леопольд к лестнице, ведущей наверх, видимо в покои. – Этого молодого господина зовут Том. Он воспитанник его величества. Иди прочь, глупая девка.

– Ой, а надо же, как на нашего Цветочка похож! – тут же расслабилась девочка, заломила ручки и уставилась на гостя.

Том кое-как сглотнул застрявший в горле кусок мяса и растянул губы в перепуганной улыбке.

– Угу, как свинья на щетку, только щетина разная, – недобро рыкнул мужчина и грозно посмотрел на дочь. – Простите дуру, молодой господин, – склонился в поклоне, опять толкнув девочку к лестнице.

Том постарался как можно быстрее все съесть, схватил с тарелки пирожки, сунул их за пазуху и тихо выскочил на улицу. Нет, он знал, что его отца в замке уважают, но он пока не чувствовал себя на «молодого господина».

Вообще, сегодня он испытывал очень странные чувства. Во-первых, ему было не очень понятно, что произошло но-

чью. Все эти объятия и поглаживания. Его никогда в жизни так не утешали, не жалели. Отец считал, что ему достаточно быть сытым и одетым. Мать, сколько он себя помнил, почти никогда не обнимала, не гладила и не целовала. Даже, когда он был совсем малышом, она очень скованно его жалела – хлопок по спине или плечу и всё. А тут... Он и не знал, что так бывает... что так... можно? Том попытался вспомнить свои ощущения. Принц боялся. Очень сильно боялся. Том слышал, как дрожит его голос и истерично срывается на крик, когда он, встав над ним, прогонял ведьм, глупо выставив кинжал вперед. Можно подумать, это сомнительное оружие в руках принца-недотепы остановило бы этих безумных баб! Том чувствовал, как Цветочка трясло, когда тот прижимал его к себе, как нервно и судорожно гладил, что-то бормоча в ухо. И Том сам прижимался к нему, крепко обхватив тощее тело, боясь, что тот исчезнет, оставит его одного, наедине с ночью, со страхом, с болью... С ним было тепло... Не в смысле тепло физически, а просто тепло. А как он массировал его руки. Каждый палец. Нежно. Осторожно. Было очень щекотно от покалываний внутри, очень больно, но принц! Сам! Собственными руками! Массировал! Его! Руки! Руки простолюдина! Царственными руками! Простолюдину! Если об этом рассказать ребятам, то они не поверят. Можно, конечно, показать им красный след от веревки. Том еще раз глянул на запястья и чуть поморщился от неприятных воспоминаний. Убогий он какой-то этот принц. Да ес-

ли бы не он, Том бы сам прекрасно справился. Еще и рыдает, как девка! Вот чего рыдать? Разве можно мужчине рыдать? Фу! Гадость какая! Он снова поморщился. Убогий одним словом. Тьфу! Не мужик! Сплюнул. Он, наверное, из-за короля рыдал... Цветочек так волновался всю дорогу, что тот его будет ругать, а отец на него даже не посмотрел. Черт, Том бы отдал все на свете, чтобы вот так вернуться домой и чтобы никто на него не смотрел, а этот дурень рыдает, счастья своего не понимает, идиот. Том обнял себя за плечи, погладил. Грустно улыбнулся и тяжело вздохнул. Его никогда никто не обнимал и не гладил. А еще, кажется, мать никогда его не целовала. Даже в щеку.

Ближе к вечеру во дворе появился Эмиль. Злой и запыхавшийся. Он о чем-то расспрашивал ошивающихся здесь же солдат и, видимо, кого-то искал. Том как раз только проснулся и, увидев друга в окошко, поспешил к нему навстречу. Вместо приветствия Эмиль пребольно двинул ему кулаком по плечу и принялся орать в лицо, брызгая слюной и размахивая руками. Из этой пламенной речи Том понял только одно – домой нельзя. Братья ищут его по всей округе, а мать дома истерит. Эмиль еще по доброте душевной сказал, что Том ушел на рассвете короткой дорогой через омуты, и вообще давно должен был прийти, и теперь родня гадает, далеко ли унесло его тело.

– А я принца встретил по дороге, представляешь? – пролепетал Том. – Он хотел полезть в воду как раз в нашем ме-

сте. Спрашиваю: «Ты плавать-то умеешь?» Он говорит, что нет. Попросил научить. Ну мы с ним все утро на мелководье и проплескались.

– С Цветочком? – скривился Эмиль так, словно Том все утро возился с прокаженным.

– Да, – виновато улыбнулся он. – А потом я его в замок отвел, боялся, что заблудится. Знаешь, он ведь за пределами замка никогда не был.

– Ты с ним общался? – Казалось, что Эмиля макнули лицом в коровью лепешку.

– Да придурок какой-то... – пробормотал Том, опуская голову. – Но не бросать же... его... одного...

– Я бы не стал, – пожал друг плечами. – Я бы увидел его и спрятался. Или ушел бы. В общем, я бы не стал с ним общаться, а тем более купаться.

– Почему? – Том смотрел ему в глаза. В голосе звучал вызов.

– Да придурок какой-то... Сам же сказал. Ладно, в общем, надо придумать что-то, чтоб тебя дома не убили.

– Я отца дождусь здесь. С ним и домой вернусь. Мать за меня перед Ульрихом не заступится. А сам Ульрих с меня шкуру живьем спустит. Не хочу. Просто скажи им, что я при дворе остался.

– Как знаешь.

И, выбрав в конюшне пару лошадей, мальчишки принялись отрабатывать ближний бой верхом.

Поздно ночью Том сидел около окошка и вглядывался в живые тени во дворе, которые рождались из подрагиваний язычков пламени факелов. Он прислонился виском к шершавым доскам, обнял себя за плечи, грустно улыбался и думал, как там принц, успокоился ли, сказал ли ему что-нибудь отец? Никому ненужная радость жизни... Том тоже никому ненужная радость жизни, но у него хотя бы есть Эмиль и Густав, а у Цветочка нет никого. Совсем никого.

Ульрих и Яков выловили его рано утром, когда Том спустился с сеновала по малой нужде.

– Щенок, – рычал старший брат, прикладывая его со всей силы о стены конюшни. Том тихо всхлипнул от боли и постарался закрыться. Следующий удар пришелся по незащищенному боку.

– Тварь! – Яков схватил его за волосы и резко дернул вниз. Удар ногой по бедру.

– Мать не спала, – еще один удар. Том шлепнулся на землю и сжался в комок. Он знал, если не сопротивляться, то все кончится быстро.

– Мы из-за тебя всю округу вчера прочесали. – Из глаз посыпались искры и во рту почувствовался привкус железа.

– Ты за это ответишь, – Яков опять схватил его за волосы и потрянул.

– Эй! Вы что делаете? – окрикнул их кто-то.

Том готов был целовать ноги своему спасителю. Братья отвлеклись, а он, размазав капающую из носа кровь, быстро

отполз в конюшню и забился в амуничник – по крайней мере найдут его не сразу, а там, может быть, удастся удрать. Было не столько больно, сколько обидно. Чертов принц! Если бы не он, то ничего бы этого не было! Купаться ему приспичило, видите ли! Придурок! Не мог другой день выбрать! Он осторожно выглянул в проход, и, поняв, что никого нет, рванул к деревянной лестнице. Ловко взобрался наверх на сеновал и втащил ее за собой, захлопнул люк. К черту всех! Он будет сидеть здесь, пока друзья не придут или отец не вернется. По крайней мере, при отце они его не бьют. Ну, мордой по грязи повозят, но не бьют, а морду отмыть можно. Тело болело. Он всхлипнул и запрокинул голову назад – кровь все еще капала из носа, и Том запоздало понял, что по алым каплям его можно легко найти. А здесь, на сеновале, заступаться некому, и они могут сделать с ним всё, что угодно. Похватав пучки кровавого сена и зарыв их поглубже, он отполз в самый дальний угол к своему окошку. Если кто-то придет, то надо зарыться в сено. Они увидят, что здесь нет никого, и уйдут. Вскочил, принес три охапки сена, прикинул, можно ли под этим спрятаться. Принес еще пару охапок. Теперь да, теперь он быстро зароется. Надо будет отцу сказать. За что они с ним так? Даже ничего не дали объяснить... Где-то скрипнула дверь. Дьявол! Он совсем забыл про вход с торца... Там и лестница есть... Том мышью шмыгнул в приготовленную нору из сена. Если они его сейчас тронут хоть пальцем, он пожалуется королю. Вот прям пойдет в таком виде с разби-

тым носом и пожалуется королю!

Шаги.

Затаился. Нос не дышит. Отек.

Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! Пусть не заметят. Не надо, Господи! Пожалуйста, Господи, если Ты есть, пожалуйста, пусть они не заметят.

Совсем рядом.

Ходят?

Ищут?

Его?

Пожалуйста, Господи, пусть не заметят...

Кто-то наступил на ногу...

– Не трогайте меня! – заорал Том, вскакивая и зажимаясь в угол.

– Ааааа!!! – протяжно завопил кто-то, с похвальной ловкостью отпрыгивая в сторону.

Перед ним стоял принц в молочного цвета блио до самого пола.

– Том? – ахнул он, вытаращивая и без того огромные глазницы.

– Ваше высочество, – Том замер в низком поклоне.

– Том? – недоуменно повторил принц, подходя ближе и поднимая его лицо одним пальцем за подбородок. – Что это? – провел подушечкой по щеке. – Кровь? Откуда?

– Я... это... Как его? – замялся парень, пытаясь сообразить, как бы так ответить, чтобы он поверил.

– Кто тебя избил? – строго спросил Вилл.

– Я ударился, – соврал, потупившись.

– Поэтому ты просил ЭТО не подходить к тебе? – сдвинул он брови.

– Не важно.

Принц еще раз поднял его лицо одним пальцем и... и начал вытирать кровь кончиком широкого рукава.

– Я все равно узнаю, кто тебя избил и накажу его, – спокойно произнес он, обнимая Тома. А Том, словно только этого и ждал, уткнулся носом ему в плечо и крепко обнял в ответ. Хотелось специально разреветься, лишь бы его обнимали.

Цветочек в этот раз отстранился первым. Еще раз внимательно осмотрел Тома, вытер тонкую красную дорожку из ноздри большим пальцем.

– Ты же всегда после обеда приходишь? С этим... Как его? С...

– С Эмилем.

– Да. С Эмилем. Вы же всегда ближе к вечеру приходите. И вчера вот тоже... Что ты здесь делаешь?

Он смотрел прямо в глаза. Том мог соврать, но почему-то не хотел. Опустил голову.

– А вы зачем тут? – перевел тему.

– Я люблю тут читать, – улыбнулся Цветочек. – Здесь из окошка двор хорошо видно, тихо, спокойно. Сяду с книгой и вроде как на улице воздухом дышу, и никто не отвлекает.

Я всегда сюда прихожу, особенно когда у отца какие-нибудь гости. Ну их...

– Вы умеете читать? – восторженно округлил он глаза.

– Да.

– Здорово, – протянул уважительно. – Как вы после вчерашнего? Я слышал, вы были чем-то расстроены? Это из-за меня?

– Нет, что ты! Я благодарен тебе.

– Из-за короля?

Принц резко отвернулся. И Том понял, что попал в точку. Причем в очень болезненную точку.

– Он спрашивал потом о вас, – зачем-то ляпнул Том. – Он отвел меня в сторону и спросил про вас... Я сказал...

– Зачем ты врешь? – устало спросил принц, опускаясь на сено и прислоняясь к стене спиной. Закрыв глаза.

Том заметил, что измазал кровью восхитительное молочное блио, расшитое золотой парчой и желтым жемчугом, очень дорогое, между прочим, блио. Заляпал ему всё плечо и грудь...

– Вам не влетит за это? – робко указал пальцем на красные пятна.

Цветочек приоткрыл один глаз, проследил за направлением пальца, заметил кровь на одежде и махнул рукой – ерунда, мол. Том выдохнул. Это платье стоит целое состояние. Даже если они продадут дом, корову и лошадь, им не хватит денег, чтобы расплатиться за испорченное блио принца.

Том улыбнулся. Хотелось что-то сделать для него. Он сел перед Вильгельмом на колени.

– Король просто... – хотел как-то утешить, но при упоминании отца Цветочек лишь сжался. Никому ненужная радость жизни... – Я думал о вас вчера. Мне бы хотелось научить вас плавать... И ездить верхом... Вы ведь не умеете, да?

Вилл покачал головой. Том улыбнулся и погладил его по сторбленной спине.

– А потом... Потом я научу вас сражаться на мечах и метать ножи, – смелее произнес он. – И однажды мы соберемся все во дворе, да, и устроим поединок. Только не с Раулем, а со мной или с Эмилем... Эмиль, ты знаешь, отличный воин! И вы обязательно победите. И пусть король стоит, открыв рот, и кусает локти, что это не он вас научил, а мы вас... Вы сами... Хочешь? И он больше никогда не посмеет проигнорировать вас.

Принц поднял к нему лицо. В глазах боль и надежда.

– Хочу...

– Так и будет. А хотите, я расскажу вам, как правильно сети ставить?

– Хочу...

– Я расскажу...

И Том принялся вдохновенно рассказывать, как определить, что это место рыбное, как правильно рассчитать время, когда надо закидывать сети, как их не потерять в воде, как

потом собирать, чтобы не пришлось распутывать. Он рассказывал, как они гоняют табуны в ночное, о том, что всегда мечтал иметь собственного коня, только не ту клячу, которая живет у них, а настоящего, боевого. Что однажды ему довелось померить доспехи, и он едва не сгинул под их тяжестью. Том вскочил и изобразил, как он ходил в латах, как пытался почесать пузо, но ничего не получалось, и что он понял, зачем рыцарям оруженосцы – чтобы не наделать в доспехи, пока будешь снимать портки. Цветочек хохотал, размазывая по щекам слезы радости и сгибаясь пополам. Том тоже смеялся до боли в животе. Потом Цветочек рассказывал ему о том, как недавно к ним приехал какой-то напыщенный посол и как, напившись, он едва не утонул в сточной канаве за замком. И как слуги спорили, кто его будет доставать, и никто не хотел за ним лезть. Вилл так смешно показывал, как пьяный посол грохнулся в грязь, рухнув на сено, которое Том собрал для себя. И Том не удержался, вскочил и тоже начал показывать, как падает пьянчужка. Они кидались сеном, носились по чердаку, сбивали друг друга с ног и щекопали до визга. Цветочек не был таким рассудительным, как Густав, не был таким спокойным, как Эмиль, он был очень смешным и немного наивным. А еще Том чувствовал, что принц ему безгранично доверяет. Это было где-то на уровне подсознания. Том просто осознал это и всё. Он и сам ему почему-то доверял, потому что до этого никогда и никому не рассказывал о себе и своих мечтах так много. Том поймал

себя на мысли, что ему очень хорошо рядом с ним, спокойно и весело. Надо действительно поговорить с Эмилем и в самом деле научить принца ездить верхом и сражаться.

– Том! Тооом! – раздался голос Эмиля из конюшни. – Том, ты здесь?

– Эмиль пришел, – дернулся Цветочек, словно парень разом испортил всё волшебство, возникшее между ним и Томом.

– Да, мне надо идти, а то он залезет сюда, – почему-то виновато поморщился Том. – Пусть это будет только наше место.

Цветочек быстро закивал. Взгляд немного настороженный.

– Вы не будете сердиться?

– Иди...

Том направился к люку.

– Том! – неожиданно крикнул Вильгельм.

Том резко остановился и обернулся, словно только этого и ждал.

– Я не хочу, чтобы ты уходил, – скороговоркой произнес принц громким шепотом. – Это ведь братья тебя избили, да? Я знаю, ты говорил... Просто никто другой тебя здесь не тронет, потому что король не позволит. А они тут служат, да? Я не хочу, чтобы ты возвращался домой. Остайся со мной. Я попрошу у короля... Не знаю... Скажу королю, что не хочу, чтобы Лола убиралась в моей комнате, попрошу, чтобы он

взял тебя... И тебе будет удобно, сытно и... И мне хорошо. Я так давно хотел, чтобы у меня был друг...

Последняя фраза потонула в гневном вопле Тома:

– ЧТООООО?!!

Он подлетел к принцу, словно взбесившееся животное, и, вытаращив вмиг почерневшие глаза, проорал:

– Что?!! Я?!! В слуги?!! Да за кого вы меня принимаете?! Я – сын военного, рожден военным, я хочу быть воином! Выносить ваш ночной горшок?! Вытряхивать ваши вонючие простыни? Да как вы смели?!

– Я не то имел в виду, – растерянно пробормотал Цветочек, пятясь назад. – Ты не так понял...

– Что я не так понял? Что вам нужна прислуга? Думали, я от радости прыгать начну? Думали, раз я один раз с вами тут подурачился, то уже всё, я ваш на веки? Экий вы приткий, ваше высочество! – Он ядовито усмехнулся и брезгливо продолжил: – Да мне хотелось посмотреть на вас. На то, какой вы! Вас же собственный отец не уважает. Я теперь знаю, почему. Никому ненужная радость жизни. Хотели получить меня в слуги? Идите к дьяволу, ваше высочество! – И добавил, как сплюнул через зубы: – Цветочек.

Вильгельм вздрогнул, как будто его ударили со всей силы. Щеки и уши вспыхнули красным. Моргнул как-то странно. Подбородок дернулся вверх. Губы плотно сжались. Дыхание замерло. Том еще раз одарил его ненавидящим взглядом и бегом понесся прочь. Бегом, потому что стыдно, безумно

СТЫДНО.

Глава 5. Тайны

Он не видел его месяц. Он теперь постоянно торчал при дворе, делая вид, что у него полно дел на конюшне и надо помочь оружейникам, на самом деле он тщетно пытался увидеть его хотя бы издалека. Он, прижав к груди его книгу, лежал на сеновале около их окошка. В книге почти не было картинок, да и те, что были, какие-то странные и непонятные, а буквы он разобрать не мог. И когда принц не приходил и в этот раз, он выходил во двор и рассматривал окна замка, пытаясь увидеть в одном из них его. Бесполезно...

Том тогда сорвался с сеновала и рванул на реку с такой скоростью, что обогнал само солнце, напрочь позабыв про Эмиля. Его разрывало на части от гнева. Гнев кипел в его теле, как масло в чане, аж булькал и плевался обжигающими капельками. Все его мысли заклинило только на одном – прислуга принца! Типа, пока у тебя проблемы, я готов тебе помочь их решить, но за это ты будешь выносить мой ночной горшок! Ага, сейчас, разбежался! У, сволочь венценосная! Ишь чего удумал! Его призвание – бои, битвы, великие сражения! Может быть, он когда-нибудь будет как отец – сержантом. Может быть, он когда-нибудь дослужится и до лейтенанта. И им будут гордиться потомки! А занять место девки, которая выносит его горшок и бежит по замку с подноса-

ми, выслушивает все его капризы, исполняет все его прихоти – увольте! Теперь понятно, почему с ним никто не общается. Его даже прислуга не выносит. Боже, как противно-то... И он же его еще руками трогал... Смыть! Смыть с себя все это немедленно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.